УДК 316.4.066

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Евлегина Александра Михайловна,
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
аспирант,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: evl-aleksandra@yandex.ru

Аннотация
В данной статье на основе анализа зарубежной теории и практики показан феномен гражданского участия как социального явления, обладающего большим потенциалом развития в современном обществе, охваченном острыми социальными противоречиями.

Ключевые понятия:
гражданское участие, социальное явление, волонтерство, потенциал развития, социальные противоречия.

XXI век привнес в жизнь мирового социума множество острых экономических и социально-политических проблем, решение которых в демократическом обществе возможно лишь при активном гражданском участии (ГУ). В этой связи интерес научного сообщества к общетеоретическим и практическим аспектам гражданского участия как социального явления, представляется вполне закономерным и оправданным.

В зарубежной и отечественной научной литературе термин «гражданское участие» определяется различно, однако его многообразная сущность трактуется: как перераспределение властных полномочий [2]; как участие в деятельности социальной группы [16]; как повышение качества жизни в комьюнити через политические и неполитические процессы [15]; как участие в волонтерстве и иных добровольческих сообществах (civic activities); как электоральная активность (electoral activities); объединение с другими людьми для достижения целей, участие в публичных акциях, в том числе протестных (political voice) [7], достаточно очевидна.

За последние годы учеными разных стран проведены десятки масштабных исследований, направленных на изучение содержания и динамики ГУ, выявление мотивирующих его факторов. Так, в 90-х гг. XX века в рамках «Всемирного обзора ценностей», которые охватывали массовые позиции во многих странах, в том числе в новых независимых государствах на постсоветском пространстве, проводилось изучение «культурных сдвигов» в массовом сознании и их воздействие на свободу выражения и политического участия. В результате были установлены «сильные зависимости между макроуровневыми характеристиками – такими как стабильная демократия, и микроуровневыми – такими как наличие между индивидами доверия, терпимости, как значимость для них постматериальных ценностей и субъективное благополучие. Сильные межуровневые зависимости обнаруживаются и между многими другими существенными переменными социетального уровня (от количества разводов до возникновения движений защитников окружающей среды), с одной стороны, и глубинными ценностями и позициями – с другой. Полученные данные ясно говорят о том, что системы убеждений на массовом уровне и глобальные перемены тесно связаны» [8].

Для оценки уровня гражданского участия в мировой практике применяется Индекс CSI (*Civil Society Index)* [14]. Сегодня, судя по CSI, во многих странах организации гражданского общества (ОГО) существуют в состоянии повышенной изменчивости, включая Россию. Но

причины этого различны. В западноевропейских странах институт гражданского участия давно приобрел статус неотъемлемого элемента развитого демократического общества и особенно ярко проявляет себя в период кризиса как инструмент давления на правительство. Что касается России, то у нас этот социальный институт находится в стадии формирования, опыт и практики гражданского участия в новых политических и социально-экономических условиях малоизучены и не получили широкого распространения в обществе.

Достаточно сказать, что в российской науке изучение феномена гражданского участия на общетеоретическом уровне началось лишь с середины 90-х годов прошлого столетия. Например, с точки зрения Н.В. Банниковой, гражданское участие – это «...процесс, посредством которого общественные объединения и отдельные лица вовлекаются во взаимоотношения и взаимодействие с государством и другими социально-политическими институтами с целью решения общественно значимых проблем. Одной из форм гражданского участия являются общественные объединения, участвуя в деятельности которых граждане влияют на процесс принятия решений, с одной стороны, а с другой – на характер и ход реализации социальных проектов как инициативных, так и принимающихся органами государственного управления...» [3].

Специалисты Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) полагают, что «гражданское участие – индивидуальная или коллективная деятельность, направленная на решение проблем части или всего населения города. Эта деятельность совершается по свободному выбору гражданина и ориентирована на общественно значимую цель» [10].

Эти определения вполне соответствуют общепринятой позиции в мировой теории и практике. Но если посмотреть на четыре уровня гражданского участия (рис. 1) [12], с этой позицией можно и не согласиться в полной мере.

С нашей точки зрения, существует и пятый (базовый) уровень гражданского участия – *сопереживание,* которое предлагаем понимать как осознанную способность индивида чувствовать эмоциональное состояние других людей и готовность оказать поддержку.

В психологии сопереживание известно под термином *эмпатия* (греч. ἐν – «в» + греч. πάθος – «страсть», «страдание»), появившимся в научных исследования на рубеже XIX–XX вв. в рамках «понимающей психологии». Наиболее разработанной областью исследований является изучение

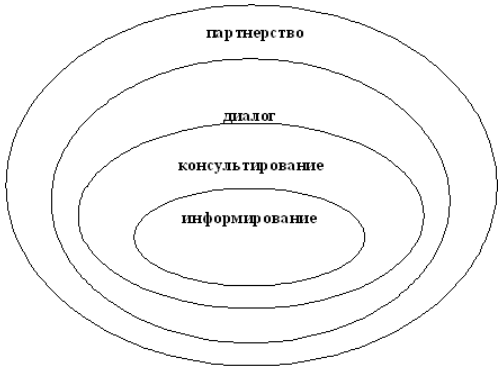

Рис. 1. Уровни гражданского участия

эмпатии как фактора мотивации помощи и альтруизма [11]. В этом контексте эмпатию рассматривают как разделение чувств другого человека; способность/склонность эмоционально отзываться на чувства других людей. Всё это и дает основание считать эмпатию базовым уровнем гражданского участия.

Гражданское участие как социальное явление проявляется в двух основных формах: через деятельность некоммерческих организаций (НКО) и в форме личного общественного участия (добровольчестве, волонтерстве), что в конечном итоге отражает общий уровень зрелости гражданского общества (ГО). Российский «алмаз» гражданского участия, исследованный 10 лет назад (рис. 2) [9], показывает, что в нашей стране гражданское общество существовало в то время в неблагоприятной внешней среде, а его влияние на политику и общество было слабым.

Мало что изменилось и в 2011 году. аналитическом докладе «Гражданское общество в модернизирующейся России» отмечено, что ГО имеет следующие измерения: практикуемые ценности – 39,8%, общественное участие в организациях ГО – 33,7% (соответствует значению «ниже среднего»), уровень институционализации гражданского общества, его организованность – 51,4%, восприятие воздействия ГО – 34,4%, внешние условия оценены в 53,3% (рис. 3) [10].

Широта общественного участия оценена исследователями в 13,9%, глубина общественного участия – 35,9%, разнообразие общественного участия – 81,3% [4], в организациях «третьего сектора» занято всего 1,1% от общей численности занятых, тогда как в развитых западноевропейских странах средний показатель составляет 7,1% [13].

По мнению многих экспертов, к которому мы присоединяемся, сложившаяся си-

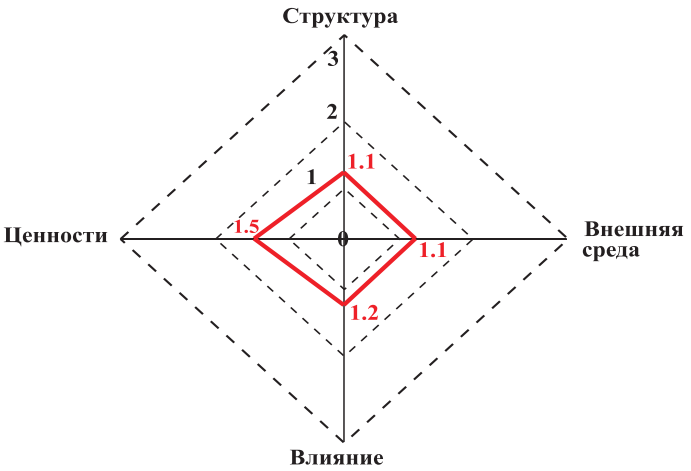

Рис. 2. Алмаз гражданского общества для России, 2001 г.

Рис. 3. Измерения гражданского участия в России, 2011 г.

туация обусловлена малочисленностью отечественных НКО и зарегулированностью их деятельности со стороны государства. Количество зарегистрированных некоммерческих организаций в Министерстве юстиции РФ по состоянию на июль 2014 г. составляло 428 841, однако, как показывает практика, реально работающих среди них не более половины. Доля социально ориентированных некоммерческих организаций от общего числа НКО в России составляет всего 13,5%, тогда как в развитых странах – 60–70% [13].

В докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [5], подготовленном Общественной палатой Российской Федерации, говорится, что гражданская активность проявляется в России по-разному. Хотя общероссийский уровень политического и общественного участия принципиально не растет, меняется качество этого участия: оно становится более осмысленным и социально мотивированным. Неформальные группы активистов и сетевые сообщества становятся важным центром общественной жизни, особенно для молодежи. Расширяется добровольческое движение, формируется разветвленная система общественного контроля. Важное направление гражданской активности – участие наблюдателей в контроле за ходом избирательного процесса.

2014 год, на фоне событий на Украине и санкций против России консолидированного Запада, продемонстрировал резкий всплеск гражданского участия среди россиян. Как

отмечается в докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [6], широкий размах приняла добровольческая деятельность по оказанию помощи жителям юго-востока Украины по всем направлениям. По данным ФМС, из более чем 2,5 млн беженцев только 27,5 тыс. подали заявление о предоставлении им временного убежища, остальные расселились в домах граждан. Более 160 млн рублей собрано гражданами в помощь Крыму и Новороссии.

Таким образом, вектор гражданской активности в 2014 г. отчетливо сместился из политической в социальную сферу. С целью стимулирования ГУ Общественная палата России учредила премию в области гражданского активизма, которая направлена на выявление лучших общественных деятелей, проектов и организаций года, реализующих разнообразные инициативы, направленные на улучшение жизни общества. Планируются и другие меры по усилению поддержки и развития социально ориентированных НКО, усовершенствована система оценки их деятельности и отчетности, создан новый реальный реестр НКО. Кроме того, в каждом субъекте Российской Федерации будут создаваться центры по поддержке и развитию добровольчества, что придаст новый импульс развитию гражданского участия.

Однако получить объективное представление о состоянии гражданского участия и его динамике в России по-прежнему затруднительно, поскольку масштабные исследования ГУ в нашей стране носят эпизодический и зачастую конъюнктурный характер, что во многом обусловлено дефицитом информационных и финансовых ресурсов у большинства неправительственных организаций.

В России происходит активный процесс формирования законодательства об НКО, но в ряде случаев это приводит не к активизации, а к снижению гражданской активности. В этой связи можно привести в пример влияние Федерального закона РФ от 20 июля 2012 г. N 121-ФЗ, так называемый «Закон об иностранных агентах» [1]. Его принятие вызвало по всей стране беспрецедентную волну негативных юридических и экономических последствий для НКО, резкое осуждение международных организаций.

Нам представляется, что исполнительные и законодательные органы исполнительной власти должны кардинально пересмотреть свою позицию относительно НКО. Гражданское участие, как объективно существующую социальную реальность, невозможно исключить из жизни современного общества или заключить в четко очерченные «рамки». Можно запретить (законодательно) митинги, шествия, акции протеста, но как можно запретить волеизъявление народа? Оно всегда было, есть и будет.

1. Федеральный закон Российской Федерации от 20 июля 2012 г. N 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», 23 июля 2012 г.

2. Арнштейн, Ш. Лестница гражданского участия; пер. с англ. Д. Киселёв // Журнал Американского института градостроителей. Т. 35, 1969. N 4. С. 216–224.

3. Банникова, Н.В. Общественные объединения как форма гражданского участия в решении социальных проблем: На примере региональных антинаркотических объединений: дисс. ... к. с. н: 22.00.04. М., 2002. 152 с.

4. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 60 с.

5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. М.: Общественная палата РФ, 2013. 132 с.

6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс]. URL: http://glasnarod.ru/rossiya/volgogradskaya-oblast/12496-doklad-o-sostoyanii-grazhdanskogo-obshhestva-v-volgogradskoj-oblasti-rossijskoj-federacczii-v-2014-godu-polnyj-tekst

7. Иванова, И.И. Индикаторы гражданского участия [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем, N 9(29), 2013. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/viewFile/920137/pdf_292.

8. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. N 4. С. 6–32.

9. Беляева, Н., Проскурякова, Л. Индекс гражданского общества (краткий инструмент оценки) в Российской Федерации, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://strategy-spb.ru/.

10. Итоговый отчет по проекту «Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России». май 2014. 21 с.

11. Карягина, Т.Д. Эволюция понятия «эмпатия» в психологии. // автореф. дисс. ... к. психол. н: 19.00.01. М., 2013. 35 с.

12. Лучшие практики гражданского участия в России и Европе. Участие общественности в процессах государственного и местного управления. М., 2013. 26 с.

13. Материалы Фонда развития гражданского общества «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития» [Электронный ресурс]. URL: http://civilfund.ru/mat/view/20.

14. Материалы сайта CIVICUS [Электронный ресурс]. URL: http://civicus.org/.

15. Ehrlich, T. (2000) Civic Responsibility and Higher Education. New York, NY: Rowman & Little-field.

16. Prohaska, T.R.; Anderson, L.A.; Binstock, R.H. Public Health for an Aging Society. JHU Press. 5 April 2012. pp. 249–252.

References

1. Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 20 iyulya 2012 g. N 121-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti regulirovaniya deyatel'nosti nekommercheskix organizatsiy, vypolnyayushchix funktsii inostrannogo agenta», 23 iyulya

2012 g. [Russian Federation Federal Law N 121-FZ "About changes in particular law-making acts of Russia in part of regulation activities of non-commercial organizations – acting as foreign agents"] [in Rus].

2. Arnshteyn, SH. (1969) Lestnitsa grazhdanskogo uchastiya [Civil participation stairs]; per. s angl. D. Kiselov // *Zhurnal Amerikanskogo instituta gradostroiteley*. T. 35, N 4. 216–224 [in Rus].

3. Bannikova, N.V. (2002) Obshchestvennye obedineniya kak forma grazhdanskogo uchastiya v reshenii sotsial'nyx problem: Na primepe regional'nyx antinarkoticheskix obedineniy: diss. ... k. s. n: 22.00.04. M., 152 [in Rus].

4. Grazhdanskoe obshchestvo v moderniziruyushcheysya Rossii: anali-ticheskiy doklad TSentra issledovaniy grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora NIU «Vysshaya shkola ekonomiki» po itogam realizatsii proekta «Indeks grazhdanskogo obshchestva – CIVICUS» [Civil Society in Modernizing Russia: analytical report of the Centre of civil society surveys and non-commercial sector of NRI "Highest Economic School" on results of project "Index of civil society – CIVICUS"] / L.I. Yakobson, I.V. Mersiyanova, O.N. Kononyxina i dr. M.: NIU VSHE, 2011, 60 [in Rus].

5. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2013 god [Report of civil society state in Russia in 2013]. M.: Obshchestvennaya palata PF, 2013, 132 [in Rus].

6. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2014 god [Report about civil society on Russia in 2014]. Available at: http://glasnarod.ru/rossiya/volgogradskaya-oblast/12496-doklad-o-sostoyanii-grazhdanskogo-obshhestva-v-volgogradskoj-oblasti-rossijskoj-federaczii-v-2014-godu-polnyj-tekst [in Rus].

7. Ivanova, I.I. (2013) Indikatory grazhdanskogo uchastiya [Civil societu indicators] // Sovremennye issledovaniya sotsial'nyx problem, N 9(29). Available at: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/viewFile/920137/pdf_292 [in Rus].

8. Inglxart, R. (1997) Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: changing values and changing societies] // *Polis*, N 4. 6–32 [in Rus].

9. Belyaeva, N., Pposkupyakova L. (2005) Indeks grazhdanskogo obshchestva (kratkiy instrument otsenki) v Rossiyskoy Federatsii [Index of civil society (brief assessment tool) in Russian Federation]. Available at: http://strategy-spb.ru/ [in Rus].

10. Itogovyy otchet po proektu «Usloviya aktivizatsii grazhdanskogo uchastiya v malyx i srednix gorodax Rossii» [Resume report on the project "Conditions of civil participation in small and middle Russian towns"]. may 2014, 21 [in Rus].

11. Karyagina, T.D. (2013) Evolyutsiya ponyatiya «empatiya» v psixologii [Evolution of "empathy" definition in psychology]: avtoref. diss. ... k. psixol. n: 19.00.01. M., 35 [in Rus].

12. Luchshie praktiki grazhdanskogo uchastiya v Rossii i Evrope. Uchastie obshchestvennosti v protsessax gosudarstvennogo i mestnogo upravleniya [Best practices of government participation in Russia and Europe. Public participation in state and local govern processes]. M., 2013. 26 [in Rus].

13. Materialy Fonda razvitiya grazhdanskogo obshchestva «Tretiy sektor» v Rossii: tekushchee sostoyanie i vozmozhnye modeli razvitiya» [Materials of the Fund of civil society development "Third Sector" in Russia: modern conditions and possible ways of development]. Available at: http://civilfund.ru/mat/view/20 [in Rus].

14. Matepialy sayta CIVICUS [CIVICUS web-site materials]. Available at: http://civicus.org/.

15. Ehrlich, T. (2000) Civic Responsibility and Higher Education. New York, NY: Rowman & Little-field [in Eng].

16. Prohaska, T.R.; Anderson, L.A.; Binstock, R.H. Public Health for an Aging Society. JHU Press. 5 April 2012. pp. 249–252 [in Eng].

UDC 316.4.066

CIVIC PARTICIPATION AS A SOCIAL PHENOMENON

Evlegina Aleksandra Mixaylovna,
North-Western Institute
of Management
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Graduate Student,
Saint Petersburg, Russia.
E-mail: evl-aleksandra@yandex.ru

Annotation
In this article, on the basis of foreign theory and practice the phenomenon of civic engagement as a social phenomenon with great potential of development in modern society, covered by sharp social contradictions.

Key concepts:
civic participation,
social phenomenon,
volunteering,
capacity development,
social contradictions.